

ДОКЛАД «МЫ ПОСЛЕ ПУТИНА»

Часть первая

Почему сценарий военного поражения и распада России становится всё более вероятным?

В публичной риторике российской оппозиции доминируют две темы: преступления режима и образ «прекрасной России будущего». Первая — о прошлом и настоящем. Вторая — о будущем, но в утопической, оторванной от реальности форме. Между ними зияет пустота, в которую почти никто не осмеливается заглянуть.

Как пройти путь от точки А — диктатуры и войны — к точке Б — свободной, демократической стране, не знает почти никто. Исключение составляют российские добровольцы, сражающиеся на стороне Украины, — однако даже их подвиг пока не стал основой для общенациональной политической платформы.

Три года войны показали: усилий Украины, даже при поддержке российских добровольцев, недостаточно для окончательной победы. Поэтому остаются без ответа два ключевых вопроса: как победить Путина и что будет после?

На фоне отсутствия ответов и какой-либо содержательной повестки российская оппозиция либо погружается в междоусобные конфликты, либо предпочитает молчание. Причины этого молчания различны: кто-то искренне не понимает происходящего; кто-то боится признать правду — прежде всего перед самим собой; кто-то считает, что общество «ещё не готово» услышать сценарий, в котором нет ни мирного транзита, ни самой России в её нынешнем виде.

Настоящий доклад «МЫ после Путина» предлагает аналитический обзор наиболее вероятных сценариев падения путинского режима, а также возможных траекторий трансформации политической системы после смерти российского диктатора. В первой части рассматривается сценарий, который ещё недавно казался невозможным, табуированным и неприемлемым, но сегодня с каждым днём становится всё более реалистичным: военное поражение России, утрата управляемости, дезинтеграция и формирование новых построссийских государств.

Итак: почему сценарий военного поражения России и распада империи становится всё более вероятным?

Россия не может остановиться: логика вечной войны

Современная Российская Федерация переживает глубокую трансформацию, в ходе которой военная агрессия против Украины перестала быть инструментом внешнеполитического давления и превратилась в структурообразующий элемент политико-экономической системы.

Речь идёт не о временной мобилизации ресурсов под конкретную кампанию, а о долговременной институционализации войны как формы существования государства и способа поддержания устойчивости власти.

Владимир Путин не просто отказывается завершить конфликт — он объективно не способен это сделать, поскольку прекращение войны предполагает демонтаж всей архитектуры, обеспечивающей политическое выживание режима.

На данном этапе война выполняет несколько взаимосвязанных функций:

- она легитимизирует авторитарное правление;
- структурирует экономическую модель;
- обеспечивает занятость в ключевых секторах;
- служит идеологическим стержнем и средством внутренней мобилизации.

Таким образом, завершение войны стало экзистенциальной угрозой для режима: оно означает запуск процессов дестабилизации — властной, институциональной, идеологической и, в перспективе, государственной.

1. Экономика, ориентированная на войну: структурная милитаризация

Начиная с 2022 года, а особенно в 2024–2025 годах, российская экономика была окончательно переведена на рельсы военного времени. Это означает, что не отдельные отрасли, а вся макроэкономическая система функционирует в логике затяжного конфликта.

По данным открытых источников, в 2024 году ежедневные расходы на ведение войны составляли в среднем около 38 миллиардов рублей. Потенциальный годовой объём прямых военных затрат превысил 10 триллионов рублей.

В проекте федерального бюджета на 2025 год заложены рекордные оборонные расходы — 13,5 триллиона рублей (примерно 145 миллиардов долларов США), что составляет 6,3% ВВП. Дополнительно на статьи «национальная безопасность» и «правоохранительная деятельность» предусмотрено 3,5 триллиона рублей. Таким образом, суммарная доля силовых ведомств в структуре бюджета достигает 41%, что значительно превышает совокупные расходы на здравоохранение, образование и социальную политику.

Эти показатели свидетельствуют о системной милитаризации не только краткосрочных бюджетных приоритетов, но и всей долгосрочной макроэкономической логики.

2. Военно-промышленный комплекс как системообразующий сегмент

ВПК, традиционно рассматривавшийся как специализированный сектор, в условиях российской экономики 2020-х годов стал одним из главных драйверов роста и основой занятости для десятков регионов.

По данным на третий квартал 2023 года, около трети прироста ВВП обеспечили предприятия ВПК и смежные с ними отрасли. Особенно это актуально для регионов, где десятки городов полностью завязаны на оборонные предприятия, научно-исследовательские институты и цепочки поставок.

Искусственная накачка оборонными заказами создаёт иллюзию экономического роста, обеспечивает занятость по директиве и формирует мнимую социальную стабильность.

Однако эта система принципиально нестабильна: прекращение военных действий приведёт к остановке оборонных заказов, закрытию предприятий, росту безработицы в стратегически уязвимых регионах и, как следствие, усилению социального напряжения.

3. Невозможность перехода к мирной экономике в рамках действующей системы

В теории прекращение войны может освободить значительные ресурсы, направляемые на военные цели. На практике такой переход невозможен без глубокой структурной трансформации политико-экономической модели.

Для перехода от военной экономики к гражданской потребуются:

- масштабная реструктуризация промышленности;
- радикальная реформа бюджетной политики;
- восстановление внешнеторговых связей;
- снятие санкционного давления;
- возвращение иностранных инвестиций.

Все эти шаги в принципе несовместимы с природой путинского режима. Политическая система, основанная на личной лояльности, монополии на информацию, изоляционизме и контроле над элитами, не в состоянии адаптироваться к требованиям открытой и конкурентной экономики.

Более того, снятие санкций и восстановление доверия международных институтов потребует:

- вывода войск с оккупированных территорий Украины;
- признания ответственности за агрессию;
- выплаты репараций;
- прекращения политических репрессий;
- перезапуска всей правовой системы.

Ни один из этих шагов неосуществим в рамках существующего режима.

4. Иллюзия «свободных средств» и системная неэффективность

Даже если представить, что прекращение войны приведёт к формальному высвобождению бюджетных средств, их перераспределение в пользу мирного развития остаётся малореалистичным.

Причины:

- инфраструктура изношена и фрагментирована;
- большая часть населения социально уязвима;
- санкции сохраняются;

- рубль нестабилен;
- капиталы продолжают утекать;
- приток инвестиций отсутствует.

Государственная система функционирует не в логике развития, а в логике краткосрочного выживания и подавления рисков. Даже потенциальные «свободные средства» не будут использованы для модернизации.

5. Стратегическая неустрашимость войны

С точки зрения долгосрочных национальных интересов прекращение войны отвечает задачам стабилизации, восстановления экономики и международной реинтеграции. Однако в логике путинского режима война перестала быть инструментом и стала предпосылкой власти.

Путинский режим функционирует как военно-мобилизационная диктатура, где:

- война легитимизирует насилие;
- структурирует занятость и экономику;
- обеспечивает консолидацию общества через страх и образ внешнего врага;
- нейтрализует требования реформ и смены власти.

Прекращение войны обернётся крахом идеологии, резким сокращением производства, массовой безработицей в оборонных регионах, падением доходов и фискальной нестабильностью. Это приведёт к политической дестабилизации. Режим не способен остановиться без риска утраты власти.

6. В России сформировался особый «класс войны»

Одним из фундаментальных следствий затяжного конфликта стало формирование в России специфического социального слоя, который можно определить как «класс войны» — совокупность групп, чья экономическая стабильность, социальная идентичность и жизненные перспективы напрямую зависят от продолжения боевых действий.

По состоянию на 2024 год общая численность личного состава Вооружённых сил Российской Федерации составляла 2 389 130 человек, включая около 1,5 миллиона военнослужащих — призывников,

контрактников и мобилизованных. Из них, согласно различным источникам, порядка одного миллиона в той или иной степени были вовлечены в так называемую «специальную военную операцию» против Украины.

Однако речь идёт не просто о военнослужащих как профессиональной группе. Перед нами — массовая когорта людей, прошедших через опыт организованного насилия, системной безнаказанности и идеологической легитимации этого насилия. Для значительной части из них война стала не только источником дохода, но и новой формой социального самоощущения:

- участие в боевых действиях воспринимается как социальный лифт;
- государственная пропаганда конструирует образ «героя-фронтовика»;
- возвращение к гражданской жизни сопряжено с риском утраты не только заработка, но и социального статуса.

6.1. Военно-промышленный комплекс как основа занятости «тылового фронта»

Ключевым элементом класса войны является и тыловая компонента — гражданское население, занятое в ВПК. По состоянию на 2024 год в оборонной промышленности России работало около 3,8 миллиона человек. С момента эскалации конфликта в 2022 году численность работников в этой сфере выросла на 700 тысяч — почти на 25%.

Оборонные предприятия стали главными работодателями в ряде монопрофильных регионов, обеспечивая сравнительно стабильную занятость. На фоне кризиса гражданского сектора и падения реальных доходов работа в ВПК воспринимается как привилегия, а порой — как единственная альтернатива бедности.

Важно подчеркнуть, что речь идёт не только о рабочих и инженерах, но и о целых инфраструктурных экосистемах, включающих:

- логистику и снабжение,
- ремонт и техобслуживание,
- научные разработки и инженерные бюро,
- охранные и парамилитарные структуры.

В совокупности эти группы образуют социальную инфраструктуру войны, встроенную в государственный оборонный заказ и зависящую от его продолжения.

6.2. Экономическая и психологическая зависимость от войны

Формирование класса войны носит двойственную природу — экономическую и символическую.

С экономической точки зрения, война гарантирует:

- стабильный доход, зачастую выше рыночного;
- систему льгот, выплат и субсидий;
- упрощённые процедуры кредитования;
- ускоренное предоставление жилья.

С психологической — создаётся ощущение причастности к «великой миссии», к «борьбе с фашизмом» (в риторике пропаганды), к «оборонительной войне против Запада».

Эта идентичность не может быть легко интегрирована в мирную гражданскую жизнь без серьёзного социального и ценностного кризиса.

6.3. Политическая значимость класса войны

Путинский режим осознанно культивирует и поддерживает этот социальный слой, рассматривая его как:

- источник лояльности в условиях дефицита легитимности;
- инструмент внутреннего устрашения и подавления инакомыслия;
- моральный щит, позволяющий дискредитировать оппозицию как «непатриотическую» и «антинародную».

За каждым военнослужащим или работником ВПК стоит не только семья, но и локальная община, а также региональные власти, заинтересованные в сохранении статус-кво. Это создаёт устойчивую, самовоспроизводящуюся базу поддержки режима, повышающую его устойчивость к внешнему давлению и внутренним изменениям.

6.4. Перспективы: риски и устойчивость

В случае деэскалации и прекращения войны этот класс может превратиться в дестабилизирующий фактор:

- утрата доходов и социального статуса способна спровоцировать протестную активность;

- возвращённые с фронта мобилизованные — это люди с боевым опытом, разочарованием и привычкой к насилию;
- ВПК столкнётся с банкротствами, массовыми увольнениями и социальной турбулентностью.

Режим заложил в общество мину замедленного действия: пока война продолжается, класс войны остаётся лояльным. Но в условиях деэскалации он может стать источником анархической агрессии, квазимилитарных формирований, региональных конфликтов и реваншизма.

7. Институциональная архитектура «государства войны»

Переход к мобилизационной модели после 2022 года трансформировал все ключевые институты власти. Государство стало функционировать в режиме перманентного кризиса, где война служит оправданием репрессий, авторитарного контроля и демонтажа правового порядка.

7.1. Централизация и демонтаж принципа разделения властей

К 2024 году политическая система России окончательно утратила даже формальные признаки разделения властей:

- президентская вертикаль поглотила функции исполнительной и законодательной ветвей;
- Совет безопасности, ФСБ и силовой блок стали главными центрами принятия решений — в обход правительства, парламента и суда;
- Госдума и Совет Федерации играют роль технических декоративных легитимирующих органов, оформляющих заранее принятые решения.

В результате институты государства функционируют не как система сдержек и противовесов, а как механизм продолжения и администрирования войны.

7.2. Разрушение судебной независимости

Судебная система подчинена логике «военного правосудия» и превращена в инструмент устрашения:

- массовое производство дел по статьям о «фейках и дискредитации армии»;
- широкое применение внесудебных репрессий;

- уголовные дела за политические высказывания;
- произвольные сроки заключения.

Фактически суд стал механизмом политической мобилизации через страх.

7.3. Симбиоз силовых структур и экономики

Участие силовых ведомств в экономике создало феномен закрытого «военного капитализма»:

- «фабрики СВО», связанные с Минобороны, получают внебиржевые субсидии;
- ЧВК и спецподрядчики контролируют снабжение, логистику и ресурсы на оккупированных территориях;
- происходит перераспределение активов в пользу силовиков — особенно после устранения «Пригожинской модели».

Сложилась уникальная модель: государство, в котором война обеспечивает не только идеологию, но и механизмы обогащения для участников системы.

7.4. Режим спецоперации как форма управления

С началом вторжения государственная власть перешла к управлению в режиме перманентной спецоперации — не только на фронте, но и в тылу:

- введены тотальные ограничения на свободу слова, собраний и передвижения;
- внутренняя политическая жизнь заморожена;
- выборы утратили всякое значение;
- медиапространство полностью контролируется.

Государство институционализировало войну как свою основную форму существования.

8. Исторические параллели: от нацистской Германии до Северной Кореи

Для понимания логики современной российской модели необходимо обратиться к историческим аналогиям. Встраивание войны в структуру

власти и экономики наблюдалось в ряде авторитарных и тоталитарных режимов XX века.

8.1. Нацистская Германия (1933–1945)

Третий рейх после 1939 года представлял собой модель:

- полной мобилизации экономики на нужды войны;
- превращения промышленности в военную корпорацию;
- зависимости населения от милитаризованных форм занятости;
- легитимации власти Гитлера через перманентную войну.

Поражение Германии обернулось не только военным крахом, но и разрушением всей государственной конструкции.

8.2. Япония периода милитаризма (1930–1945)

Военное лобби подчинило гражданские институты, сформировав квазирелигиозную идеологию «священной войны». Сопротивление отсутствовало, и только полное поражение привело к слому режима.

8.3. Северная Корея (с 1950-х годов)

Наиболее близкий по структуре пример. Война в форме перманентной угрозы со стороны США стала оправданием бедности, репрессий и изоляции. Культ лидера и риторика «осаждённой крепости» легли в основу стабильности режима.

Путинская Россия движется в сторону неофашистской вариации северокорейской модели — где война закреплена в риторике, праве, экономике и идентичности нации.

9. Идеология вечной мобилизации: от страха к сакрализации войны

Современный российский режим — не просто милитаризованная автократия, но и система с чёткой идеологической конструкцией, где война выступает как необходимое и «естественное» состояние общества.

Эта идеология выполняет несколько ключевых функций:

9.1. Замещение социальной повестки

В условиях отсутствия экономического роста и разрушения социальных лифтов, режим предлагает нарратив мобилизации:

- вместо повышения качества жизни — «борьба за выживание»;
- вместо справедливости — «национальное единство перед лицом угрозы»;
- вместо прав и свобод — «служение Отечеству».

Война становится универсальным оправданием бедности, репрессий и неэффективности.

9.2. Инструмент легитимации власти

Путинская власть базируется не на законности, а на образе «воюющего лидера». Война заменяет демократическую легитимность мобилизационной:

- критика власти объявляется «предательством»;
- выборы теряют смысл — «во время войны главнокомандующего не меняют»;
- политическая конкуренция исчезает.

9.3. Внешний враг как основа идентичности

Классическая черта авторитаризма — внешний враг как элемент внутреннего порядка. Российская риторика опирается на:

- образ враждебного Запада;
- демонизацию Украины;
- поиски «внутренних агентов» и «пятой колонны»;
- дискредитацию интеллигенции.

Нация определяется не позитивной программой, а противопоставлением и ненавистью.

9.4. Мобилизация как форма социального контроля

Постоянное состояние тревоги и готовности способствует:

- самоцензуре;

- отказу от критического мышления;
- оправданию насилия;
- разрушению горизонтальных связей.

9.5. Мифологизация истории и сакрализация насилия

Победа 1945 года используется для оправдания военных преступлений российской армии в Украине и интерпретируется не как урок, а как модель будущего. Насилие — не трагедия, а подвиг. Жертвы — не ошибка, а необходимость. Война — не исключение, а миссия.

9.6. Отказ от мира как отказ от идентичности

Мир в этой системе — это:

- слабость,
- капитуляция,
- утрата достоинства.

Именно поэтому война — не между Россией и Украиной, а между Россией и современностью.

10. Неоимперский фашизм как финальная стадия путинизма

На позднем этапе своего существования путинский режим утратил способность производить модернизационные смыслы. Демократия, права человека, либерализм — не просто маргинализированы, но объявлены «враждебной повесткой».

Осталась одна идеология — государственная догма, маскируемая риторикой «традиционных ценностей». Это не просто консерватизм или авторитаризм. Это — неоимперский фашизм, адаптированный к российским реалиям и исторической памяти XX века.

Его ключевые черты:

- сращение милитаризма, национализма и культа личности;
- реваншизм и экспансионизм;
- сакрализация насилия как формы справедливости;
- отказ от самоограничения и неспособность к диалогу;

- идеологическая замкнутость и мобилизационная паранойя.

Фашизм не способен остановиться. Он может только побеждать — или быть уничтожен. И в этом — логика путинизма, движущегося к своему финалу.

Почему прямое столкновение с Западом становится вероятным — и чем оно закончится?

В первой главе мы подробно разобрали, почему путинский режим принципиально неспособен завершить войну. Ни политически, ни экономически, ни институционально он не может перейти к миру, не разрушив архитектуру собственной власти. Для российского диктатора прекращение агрессии равносильно поражению, а поражение — утрате легитимности, контроля и, возможно, физического выживания. Это экзистенциальный конфликт, в котором компромисс невозможен.

Следовательно, Владимир Путин будет продолжать войну. Он будет продолжать убивать, расширять зону нестабильности и, что особенно важно, эскалировать конфликт за пределами Украины, стремясь перенести давление на Запад.

1. Путин как экспортёр хаоса

Российский режим давно вышел за рамки регионального конфликта. Путин — это не просто диктатор, удерживающий власть в одной стране, а транснациональный источник дестабилизации, действующий на нескольких уровнях одновременно. Его инструменты:

- военное насилие в Украине и угрозы новым конфликтам (Молдова, Грузия);
- экономический шантаж — от срыва зерновых сделок до манипуляций с поставками энергоресурсов;
- подрыв демократических институтов в Европе и США — через финансирование радикальных партий, вмешательство в выборы, кампании дезинформации;
- кибератаки и кибершпионаж;

- поддержка автократий и прокси-групп в Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке.

Это асимметричная, многослойная война против либерального миропорядка, сложившегося после Второй мировой войны. Путин больше не скрывает цели: он стремится демонтировать саму модель мира, основанную на международном праве, границах, многосторонних институтах и правах человека.

2. Вседозволенность как стратегия

Запад до сих пор избегал прямого участия в конфликте, опасаясь ядерной эскалации и втягивания в полномасштабную войну. Этот страх стал фундаментом кремлёвской стратегии. Путин последовательно тестирует границы дозволенного, систематически повышая ставки и отслеживая реакцию.

Пока Запад ограничивается заявлениями, санкциями и поставками вооружений, действия Кремля остаются безнаказанными. Каждая уступка, каждая отсрочка или недосказанный ультиматум воспринимаются как приглашение к следующему шагу. Вседозволенность становится зависимостью. Попробовав один раз — диктатор требует большего. Это динамика наркомана, увеличивающего дозу.

Политическая безнаказанность рождает стратегическую агрессию.

3. Локальный триггер, глобальный поворот

Рано или поздно произойдёт событие, которое изменит позицию Запада. Это может быть локальный эпизод — провокация, случайность или ошибка, — но оно станет стратегической точкой бифуркации.

Возможные сценарии:

- атака на западные миротворческие силы, размещённые на территории Украины;
- эскалация в Приднестровье и вторжение в Молдову;
- провокация на границе с Польшей, Латвией, Литвой, Эстонией или Финляндией с гибелью военнослужащих стран НАТО;
- развёртывание или демонстративная подготовка к применению тактического ядерного оружия.

Во всех этих сценариях Кремль будет рассчитывать на то, что Запад не отреагирует. Однако история показывает: либеральные демократии могут действовать медленно — но их ответ радикален, когда угроза становится не теоретической, а непосредственной.

4. Историческая аналогия: США и Вторая мировая война

Показательный пример — позиция США в начале Второй мировой войны.

- Сентябрь 1939 года — Германия нападает на Польшу. США сохраняют нейтралитет.
- Весной 1941 года начинается программа ленд-лиза.
- Лишь в декабре 1941 года, после атаки на Пёрл-Харбор, США вступают в войну.

Этот опыт показывает: порог вмешательства для демократии проходит не по линии морального долга, а по линии экзистенциальной угрозы собственным интересам.

5. Путин ведёт мир к точке невозврата

С каждым днём Кремль сужает пространство для дипломатии. Каждая провокация, каждый ракетный удар, каждый организованный теракт — это шаг к разрушению международных механизмов сдерживания.

Путин сам приближает момент, когда прямое вмешательство станет не вопросом выбора, а вопросом необходимости. Запад будет втянут в войну — не из гуманистических соображений, не из солидарности с Украиной, а ради самосохранения. Не по воле, а по неизбежности.

Когда это произойдёт, правила будет диктовать уже не Кремль. Но до этого момента должно произойти событие, за которым — не остановка, а развязка.

6. Почему Россия проиграет прямую войну с Западом

Несмотря на воинственную риторику Кремля и демонстративную браваду официальной пропаганды, вероятность победы России в случае прямого военного столкновения с НАТО близка к нулю. Это не вопрос идеологии или политической симпатии, а вывод, основанный на стратегических, ресурсных, технологических и психологических факторах.

Рассмотрим их поэтапно.

6.1. Несопоставимость ресурсов: военный, промышленный и технологический дисбаланс

Трёхлетняя война против Украины — страны с вчетверо меньшим населением и несопоставимой экономикой — выявила предельные возможности российской армии. За весь период Кремлю не удалось достичь заявленных целей. Налицо:

- масштабные потери в живой силе и технике;
- критическое истощение материально-технических ресурсов;
- зависимость от поставок вооружений из КНДР, Ирана и частично Китая;
- неспособность к устойчивому наступлению, несмотря на тактические успехи.

На этом фоне сравнение с совокупным потенциалом стран НАТО показывает структурное неравенство.

Военно-промышленный и технологический потенциал США, Великобритании, Германии, Франции, Польши и других союзников на порядки выше. Они располагают:

- современными системами ПВО и ПРО;
- высокоточным оружием большой дальности;
- интегрированными сетевыми системами командования;
- авиационным, космическим и кибернетическим превосходством;
- отлаженными логистическими и снабженческими цепочками.

В случае прямого столкновения это означает не просто преимущество, а подавляющее превосходство по всем параметрам.

6.2. Армия наёмников и структурная демотивация

Современные вооружённые силы России в зоне так называемой «СВО» представляют собой разнородный конгломерат: мобилизованные, контрактники, добровольцы, заключённые, сотрудники ЧВК. В этой массе отсутствует единая идеологическая или профессиональная основа. Основная мотивация — материальное вознаграждение.

Это делает российскую армию уязвимой по нескольким направлениям:

- в условиях потерь и неудач резко падает моральный дух;
- перебои с выплатами и отсутствием ротации провоцируют массовые отказы от участия в боях;
- репрессивные меры (заградотряды, штрафные роты, уголовные статьи) не решают, а лишь усугубляют демотивацию.

Структурная демотивация российской армии становится фактором риска не только на тактическом, но и на стратегическом уровне.

6.3. Запад не ограничен рамками «гуманитарного военного участия»

Вся нынешняя война в Украине ведётся в условиях жёстких ограничений со стороны союзников:

- Украина не может наносить удары по целям на территории России западным оружием большой дальности;
- не используется авиация НАТО;
- отсутствует прямое вмешательство западных армий.

Однако в случае прямого конфликта все эти ограничения снимаются. Возможные действия:

- массированные баллистические удары по военной инфраструктуре в глубине российской территории;
- уничтожение складов, логистических узлов, систем связи и управления;
- выведение из строя аэродромов и промышленных объектов ВПК.

Российская армия и государственная система не готовы к отражению таких ударов. Масштабная военная операция на территории самой России приведёт к системному коллапсу управления и снабжения.

6.4. Географическая уязвимость и множественные фронты

На данный момент Россия с трудом удерживает один активный фронт — против Украины. В случае расширения конфликта география боевых действий может включать:

- сухопутные границы с Финляндией и странами Балтии;

- восточное направление — угрозы со стороны Японии и США в Тихоокеанском регионе;
- Калининградскую область, потенциально изолированную и уязвимую;
- южный фланг — Кавказ, Чёрное море, Молдавия и Приднестровье.

Множественные фронты приведут к фрагментации оперативного управления и стремительному истощению ресурсов. Каждое новое направление требует:

- мобильных резервов;
- эффективной логистики;
- политической воли и стратегического планирования.

Ни одного из этих элементов в российской системе управления сегодня не существует в достаточном объёме.

6.5. Институциональная неустойчивость и слабость внутреннего контроля

Мятеж ЧВК «Вагнер» летом 2023 года стал поворотным моментом, показавшим хрупкость российской государственности:

- несколько тысяч бойцов без сопротивления заняли Ростов-на-Дону — ключевой военный и административный центр;
- движение на Москву не встретило реального противодействия;
- власть оказалась парализованной, силовики — пассивными, а элиты — безынициативными.

Весной 2024 года Вооружённые силы Украины провели рейды на территорию Курской области, не встретив организованного сопротивления ни со стороны местной власти, ни со стороны населения.

Это свидетельствует о:

- разрушении горизонтального управления;
- отсутствии субъектности регионов;
- тотальной деморализации общества.

Государство в его нынешнем виде неспособно к мобилизации даже при прямой угрозе.

6.6. Возможность стремительного структурного коллапса армии

При росте военной нагрузки и множественных поражениях российская армия рискует рассыпаться как вертикаль. Возможные признаки:

- массовое дезертирство, саботаж, отказ от выполнения приказов;
- нарушение логистических цепочек и деградация управления;
- стихийное формирование вооружённых групп вне контроля центра;
- рост локальных форм сопротивления в регионах.

Таким образом, прямой конфликт с НАТО несёт не только угрозу военного поражения, но и создаёт предпосылки для политического, территориального и институционального распада.

Российская Федерация, обладающая ограниченным промышленным ресурсом, демотивированной армией, уязвимой территорией и неустойчивой государственной системой, не способна вести полномасштабную войну против объединённого Запада.

Любая попытка выйти за пределы украинского театра военных действий станет для России переходом в зону стратегического поражения и может привести к полной дезинтеграции государства.

7. Почему Путин никогда не применит ядерное оружие

Одним из устойчивых мифов, сопровождающих российскую агрессию против Украины, является предположение о возможности ядерной эскалации со стороны Кремля. Этот нарратив активно продвигается российской пропагандой и частично принят в западной политической и экспертной среде как фактор, сдерживающий прямое вмешательство НАТО.

Однако стратегический анализ поведения российского руководства за три года войны ясно демонстрирует: угроза применения ядерного оружия — это инструмент политического шантажа, а не реальный план действий. Сама структура режима, его внутренние мотивации и логика выживания исключают вероятность перехода от риторики к действию.

7.1. Ядерный шантаж как инструмент психологического давления

С начала полномасштабного вторжения в 2022 году российские официальные лица — от Путина и Лаврова до Патрушева и Медведева — регулярно прибегают к риторике ядерного устрашения. Заявления о

«готовности использовать все доступные средства» стали частью стандартного репертуара режима.

Тем не менее, на практике:

- ни один шаг, указывающий на подготовку к реальному применению ядерного оружия, предпринят не был;
- объявления о повышенной боевой готовности стратегических сил носили демонстративный и ритуальный характер;
- попытки разместить тактическое оружие в Беларуси выглядели как пропагандистский жест, лишённый реальной стратегической функции.

Эта стратегия имеет вполне конкретные цели:

- сдерживать эскалацию со стороны Запада;
- препятствовать поставкам вооружений Украине, особенно дальнобойного и авиационного характера;
- деморализовать общественное мнение в западных странах, создавая образ «безумного врага», способного на всё.

Иначе говоря, ядерная угроза используется не для войны, а для торговли страхом.

7.2. Путин одержим личным выживанием

Несмотря на образ «сильного лидера», активно формируемый внутренней и внешней пропагандой, Владимир Путин — человек, параноидально озабоченный вопросами безопасности, физического выживания и сохранения власти.

Ядерный удар в любой форме означает практически гарантированную смерть — не только политическую, но и биологическую. Ответный удар, дестабилизация режима, международная изоляция, разрушение систем связи и управления — всё это Путин прекрасно понимает.

Его действия не соответствуют модели «мученика» или «фанатика». Напротив: легко принимая безответственные решения, в результате которых погибают сотни тысяч людей, Путин при этом очень ценит свою собственную жизнь и действует в рамках инстинкта самосохранения. Именно поэтому:

- он регулярно поднимает ставки, но никогда не переходит черту;
- использует ядерную риторику как щит, но не как оружие;

- держит в руках гранату, но не выдёргивает чеку.

Чем чаще Кремль прибегает к ядерному шантажу, тем очевиднее становится его неспособность реализовать угрозу.

7.3. Ядерное оружие как «оружие непригодности»

С момента окончания Второй мировой войны и до настоящего времени ядерное оружие в международной политике выполняет в первую очередь функцию сдерживания, а не применения. Этот принцип лежит в основе всех ядерных доктрин.

Существуют две ключевые причины, почему применение ядерного оружия практически исключено:

- в условиях симметричного конфликта (например, с НАТО) это ведёт к взаимному уничтожению;
- в условиях асимметрии (как в случае с Украиной) оно не даёт стратегического преимущества, но превращает Россию в глобального изгоя и запускает необратимую эскалацию.

Ядерное оружие — это оружие, которое можно иметь, но нельзя использовать. Его мощь заключается в возможности угрозы, а не в реальном применении.

Российская элита это понимает. Она не готова умереть за Донбасс, Мариуполь или Херсон. Она хочет сохранить активы, влияние, безопасность и — по возможности — контроль над будущим.

Таким образом, ядерная угроза со стороны Путина — это инструмент, рассчитанный на страх. Его задача — удержать Запад от решительных шагов. Но этот инструмент становится всё менее эффективным. Чем дольше продолжается война, тем отчётливее проявляется: за риторикой — пустота. За угрозой — невозможность исполнения. За страхом — стратегическая слабость.

Что будет после военного поражения и падения путинского режима

Военное поражение России в войне против Украины и стран Запада станет не просто военно-политическим кризисом. Оно приведёт к

системному обрушению всей конструкции государства, выстроенной на централизованной вертикали власти, фиктивной федеративности и полной административной зависимости регионов от центра.

Несмотря на формальное определение как федеративного государства, Российская Федерация по своей сути представляет собой имперскую структуру. Её устойчивость основана не на институциональном балансе интересов и субъектности регионов, а на жёсткой политической централизации, административной подчинённости и неравном распределении ресурсов.

В рамках этой модели:

- центр не делегирует полномочия — он монополизирует власть и перераспределяет ресурсы;
- регионы не участвуют в принятии решений — они исполняют указания;
- федерация существует номинально — в реальности это централизованная унитарная система.

Следовательно, в случае крушения центральной власти исчезнет и сама государственная структура в её нынешнем виде.

1. Сценарные последствия: управленческий распад и политический вакуум

Военное поражение и падение путинского режима запустят цепную реакцию внутренних процессов, среди которых наиболее вероятны:

- институциональный паралич: утрата единого центра управления и распад вертикали власти;
- дезинтеграция информационного пространства: разрыв коммуникаций между регионом и центром;
- обострение межрегиональных и этнополитических противоречий — особенно в национальных республиках, приграничных и дотационных субъектах;
- появление конкурирующих центров власти — на базе местных элит, силовых структур, этнических или криминальных группировок.

Государственный аппарат, завязанный на личную лояльность и федеральные дотации, не выдержит масштабного системного кризиса. Административная структура, построенная на страхе и вертикали, не

обладает адаптивностью для кризисного управления в условиях дезинтеграции.

2. Несостоятельность путинской региональной элиты

99% российских губернаторов и глав регионов — не самостоятельные политические фигуры, а назначенцы, выдвинутые по критериям лояльности и управляемости. Их характерные черты:

- отсутствие политической субъектности;
- управленческая некомпетентность;
- полная зависимость от центра;
- отсутствие устойчивых связей с регионами, в которых они работают;
- дефицит легитимности в глазах местного населения.

Эти функционеры не обладают ни ресурсами, ни доверием, ни стратегическим мышлением, необходимыми для управления в условиях кризиса. После падения центральной власти большинство из них либо спешно покинет страну, либо окажется перед судом.

3. Появление локальных «центров силы»

На фоне распада федеральной вертикали и дезорганизации официальных институтов на первый план выйдут альтернативные структуры, обладающие реальными ресурсами влияния:

- региональные бизнес-группы, контролирующие инфраструктуру, финансы и логистику;
- местные силовые формирования — МВД, ФСБ, Росгвардия, а также их неформальные ответвления.

Эти группы будут стремиться:

- сохранить активы и влияние;
- занять вакантные властные позиции;
- перераспределить бесхозные ресурсы и собственность в свою пользу.

Фактически начнётся борьба за контроль над властью, собственностью и территорией — в условиях правового вакуума, фрагментации и отсутствия механизмов сдержек.

4. Глубинный имперский кризис как фактор распада

Путинский режим не просто удерживал власть — он цементировал империю, скрытую под фасадом федерации. Его крах повлечёт за собой:

- распад управляемости;
- утрату субъектности ключевыми институтами;
- политическую конкуренцию за ресурсы;
- рост насилия;
- радикальное изменение политической географии.

Иначе говоря, речь идёт не просто о смене власти, а о завершении существования России в её нынешнем виде — как централизованной, имперской, псевдофедеративной конструкции.

5. Как избежать хаоса: роль Запада и временных администраций

Военное поражение России и последующий распад централизованной системы власти неизбежно приведут к глубокому политическому, институциональному и гуманитарному вакууму. В условиях отсутствия легитимных институтов, разрушенных механизмов управления и полной делегитимации центра любая попытка стабилизации исключительно внутренними средствами будет обречена на провал.

Саморегуляция в построссийском пространстве столкнётся с рядом непреодолимых ограничений:

- отсутствие устойчивых демократических институтов;
- слабость гражданского общества;
- недоверие между регионами и элитами;
- высокий уровень насилия, радикализации и политической конкуренции.

Единственным реалистичным способом стабилизации переходного периода является создание в регионах бывшей Российской Федерации временных администраций с международным участием. Эти структуры должны быть частью широкой системы международного сотрудничества, основанной на опыте постконфликтного восстановления в странах, переживших коллапс государственной власти.

5.1. Зачем нужны временные администрации с международным участием

Временные администрации, сформированные при поддержке международных организаций и демократических государств, способны обеспечить:

- институциональную прозрачность и поддержку верховенства права на этапе формирования новых органов власти;
- предсказуемость политического перехода с чётким горизонтом выборов и конституционного процесса;
- защиту прав человека и предотвращение репрессий, самосудов, кланового или криминального захвата власти;
- функционирование базовой инфраструктуры — энергетики, транспорта, медицины, водоснабжения, образования;
- нейтрализацию попыток силового передела со стороны олигархических, военных или этнических группировок.

Ключевая задача таких администраций — создать условия для формирования самостоятельных, легитимных, демократических институтов в регионах, ранее интегрированных в состав Российской Федерации.

5.2. Механизмы реализации: от миротворцев до переходных институтов

Формы международного участия могут варьироваться в зависимости от условий, масштаба и готовности регионов. Среди возможных механизмов:

- временные гражданские администрации — с участием ООН, ОБСЕ, Европейского Союза, Совета Европы и отдельных государств;
- международные миссии безопасности — с мандатом на охрану правопорядка, контроль за разоружением, защиту гражданского населения;
- гуманитарно-восстановительные штабы — для поддержки критической инфраструктуры, логистики и социальной помощи;
- технические миссии по конституционному и правовому строительству — для подготовки переходных нормативных актов, запуска судов, СМИ и избирательных систем.

5.3. Ключевые направления деятельности временных администраций

5.3.1. Денуклеаризация

- локализация и полное уничтожение ядерного оружия под международным контролем;
- предотвращение появления новых ядерных держав на построссийском пространстве.

5.3.2. Демилитаризация

- расформирование остатков регулярной армии, ликвидация ЧВК;
- изъятие тяжёлого вооружения;
- формирование новых сил безопасности — под гражданским контролем, с правовым статусом и профессиональным отбором.

5.3.3. Институциональная перезагрузка

- принятие временных переходных конституций, гарантирующих базовые права и механизмы власти;
- подготовка и проведение свободных выборов под международным наблюдением;
- запуск независимой судебной системы, местного самоуправления и свободной прессы.

5.3.4. Переоценка и правовая справедливость

- люстрация лиц, активно служивших интересам авторитарного режима;
- создание механизмов международного и национального правосудия — для привлечения к ответственности организаторов репрессий и военных преступлений;

- амнистия для политических заключённых, жертв идеологического преследования, лиц, отказавшихся от службы в Российской армии и от участия в широкомасштабном вторжении в Украину.

5.3.5. Экономическая трансформация

- переход к рыночной экономике на основе частной инициативы, конкуренции и прозрачности;
- национализация государственных активов, включая собственность бывших госкомпаний, и активов, полученных преступным путём;
- прозрачная приватизация под контролем СМИ, общественности и международных аудиторов;
- реструктуризация налоговой системы, защита прав собственности, развитие предпринимательства;
- интеграция в международные финансовые и торговые механизмы — при условии соблюдения демократических норм.

Мир после Путина не построится сам. Он потребует усилий, времени и системной координации.

Если процесс постимперского перехода будет разворачиваться в условиях хаоса, конкуренции за активы и насилия — построссийское пространство рискует превратиться в архипелаг конфликтов. Если же он будет сопровождаться международным участием, легитимными временными структурами и чётким планом восстановления, у новых государств появится реальный шанс на нормальность — тот шанс, которого у Российской Федерации не было с момента распада СССР.

6. Возникновение новой карты: государства на месте бывшей Российской Федерации

Распад путинского режима и дезинтеграция Российской Федерации как централизованной государственности приведут к формированию принципиально новой политико-географической карты Евразии. На обломках империи возникнут десятки новых государственных образований, различающихся по масштабу, этнокультурной структуре, уровню политической зрелости и внешнеполитическим ориентирам.

Этот процесс будет сопряжён с множеством рисков — от насилия и конфликтов до институционального вакуума, — но одновременно он открывает историческое окно возможностей для регионов, столетиями

подчинённых имперскому центру. Впервые за постсоветскую эпоху у них появится шанс на реальное самоопределение, подлинное политическое представительство и международную субъектность.

6.1. Новые государства, основанные на праве народов на самоопределение

Часть новых государственных образований будет сформирована на основе существующих национальных республик, обладающих:

- этнокультурной и языковой идентичностью;
- историческим опытом автономии;
- наличием региональных элит с политическим потенциалом;
- сформированной образовательной, культурной и административной инфраструктурой.

Международное право, включая Устав ООН и Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1960), предоставляет правовую основу для реализации права на самоопределение, особенно в условиях, когда предыдущее государство фактически перестаёт существовать.

Другим типом постросийских образований станут регионы и межрегиональные альянсы, объединённые по признаку географической связанности, экономических интересов и транспортной инфраструктуры. В условиях отсутствия централизованной внешней политики каждый субъект будет самостоятельно выстраивать отношения с соседями, международными организациями и транснациональными структурами.

6.2. Что объединит новые государства? Общие принципы постимперского порядка

Несмотря на различия в размерах, этническом составе и геополитических приоритетах, большинство новых образований будут объединены рядом принципов, определяющих основу новой архитектуры стабильности и развития. Эти принципы могут лечь в основу общей рамки постимперского пространства:

- Денуклеаризация — полный отказ от ядерного оружия, его демонтаж под международным контролем, исключение возможности ядерной гонки.

- Демилитаризация — запрет на агрессивную внешнюю политику, формирование оборонительных сил с прозрачным демократическим контролем.
- Децентрализация — демонтаж монополии центра (в прежнем виде — Москвы) на принятие ключевых решений.
- Демократизация — формирование институтов выборности, независимости судов, свободы прессы, защиты прав человека.
- Деколонизация — признание фактов исторического угнетения, поддержка языков и культур коренных народов, институциональное оформление независимости.
- Депутинизация — правовая и политико-культурная переоценка наследия путинизма, осуждение его преступлений, демонтаж идеологии имперского реваншизма.

Эти принципы могут стать общей точкой отсчёта для новой политической субъектности в Евразии, возникшей на месте имперского ядра.

6.3. Карта будущего — это карта возможностей

Формирование новых государств на месте бывшей Российской Федерации не следует рассматривать как катастрофу, анархию или «балканизацию». Напротив — это исторический шанс на выход из имперской матрицы и переход к модели децентрализованного, многообразного и мирного политического пространства.

При наличии международной поддержки, ясного переходного плана и вовлечённости самих регионов этот процесс способен:

- завершить эпоху колониального правления Москвы;
- стабилизировать евразийский континент;
- создать прецедент мирной и системной деконструкции диктаторской империи;
- обеспечить устойчивое развитие десятков миллионов людей, ранее исключённых из политического участия.

Речь идёт не просто о смене границ, а о формировании нового политического мировоззрения. Построссийское пространство может стать лабораторией новых демократий — если процесс будет управляемым, поддержанным и структурированным.

Заключение

Сценарий военного поражения России с последующим процессом демократизации, децентрализации, деколонизации, денуклеаризации, демилитаризации и депутинизации до сих пор воспринимается многими как крайний или даже утопический. Для тех, кто продолжает верить в возможность эволюционного превращения путинизма в «прекрасную Россию будущего», такой сценарий кажется не только маловероятным, но и нежелательным — ведь он предполагает радикальный разрыв с прежней политической, институциональной и территориальной конфигурацией.

Однако история последних столетий показывает: империи не реформируются — они распадаются. Именно так завершилось существование Османской и Австро-Венгерской империй после военных поражений. Именно так пал Советский Союз, когда центр утратил способность контролировать периферию. И, с высокой долей вероятности, именно так завершится история Российской Федерации в её нынешнем виде — как последней континентальной империи Европы.

По мере углубления внутреннего кризиса, институциональной эрозии и внешнеполитической изоляции описанный в этом докладе сценарий перестаёт быть гипотетическим. Он всё явственнее превращается в вероятностный — и к нему необходимо готовиться. Не только на уровне оперативных военных решений, но прежде всего — интеллектуально, институционально и морально.

В западных политических и экспертных кругах всё чаще звучат предупреждения: прямое столкновение с Россией возможно, а её распад — вероятен. Это требует не только военной готовности, но и понимания, каким должен быть мир после Путина. Недостаточно разрушить систему — нужно заранее продумать, как будет выстроен порядок на её месте.

Уже сейчас необходимо формировать будущие элиты — людей и структуры, способных взять на себя ответственность за создание устойчивых демократических государств на построссийском пространстве. Необходимы аналитические модели политического перехода, сценарии институционального восстановления, механизмы территориальной перезагрузки. Требуется чёткий, поэтапный план постимперской трансформации — с учётом опыта Югославии, Ирака, Южной Африки, Восточной Европы.

Какой бы ни была траектория ближайших лет, ясно одно: возврата к прежней России не будет. Завершается не только эпоха Путина. Завершается исторический цикл — имперский, авторитарный, милитаристский. И от того, каким будет наш ответ на этот вызов, зависит, останется ли Евразия зоной хаоса — или станет пространством новых государств, основанных на свободе, праве и достоинстве.

Сергей Антонов,
председатель «Комитета-2024»

20.04.2025